

Глава 2.

История Православия среди корейцев России

Архимандрит Августин (Никитин)
Кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской
Духовной Академии; церковный историк
(г. Санкт-Петербург).

Россия и Корея: обзор церковных связей

Первые контакты

История русско-корейских связей восходит к эпохе Киевской Руси. В 1236 г. киевский престол занял Ярослав II Всеволодович (1195-1246); ранее он княжил в Новгороде, затем во Владимире. Ярослав II был устроителем русских земель после нашествия татаро-монгольских войск; он первый из русских князей ездил в ханскую резиденцию. Известный европейский путешественник Плано Карпини, посетивший в XIII веке Монгольское государство, отмечал, что в ставке великого хана он видел много послов, в том числе русских и корейских: здесь был «знатный муж Ярослав, великий князь Руси, а также сын царя и царицы грузинской, и много великих султанов, а также князь солангов (корейцев – а. А.)».

В дальнейшем русско-корейские контакты были редкими и косвенными. В начале XVIII века эти контакты стали более частыми, и это имело место в Пекине. В 1807 г. сопровождавший Русскую Духовную миссию в Пекин помощник пристава М. Попов доносил директору Кяхтинской таможни П. Д. Ванифатьеву: «Приметны в Пекине в числе съезжающихся к новолетию корейцы. Они привозят на продажу разные лекарства, шелковые материи и писчую бумагу».

В Пекине русские купцы задерживались на долгие месяцы и здесь они нередко являлись свидетелями приезда в китайскую столицу корейских послов и купцов. Корейских посланцев обычно поселяли в Пекине в помещении российского посольского двора, если ко времени их приезда там не оказывалось русских торговых караванов. Поэтому китайцы

называли этот двор корейской факторией, когда в нем поселились корейцы, и русской факторией, когда его занимали русские. А в 1808 г. в Пекине русская и корейская миссии обменялись подарками.

Первыми русскими, ступившими на землю Кореи, были моряки фрегата «Паллада», обследовавшие в 1854 г. прибрежные воды Корейского полуострова. Среди них был писатель И. А. Гончаров, изложивший затем свои впечатления об этой стране в известной книге «Фрегат «Паллада»». «Корейцы бывают в Пекине, – писал Гончаров, – наши отец Аввакум и Гошкевич видали их там и даже, кажется, по просьбе их, что-то выписывали для них из России».

В этих строках русский писатель упомянул о корабельном священнике – им был архимандрит Аввакум (Честной), ранее пребывавший в Пекине в составе XI-й Русской Духовной миссии (1830-1840 гг.). Другой член экипажа «Паллады» – И. А. Гошкевич, переводчик МИДа, также долго жил в Пекине и хорошо знал китайский язык. Впоследствии он стал первым русским консулом в Хакодате (Япония).

Корея. Начало христианизации

Христианство появилось в Корее сравнительно поздно – в конце XVIII в. Как известно, в IV-VI вв. в Корею проник буддизм северного направления (махаяна), ставший к X в. государственной идеологией. В эпоху позднего Средневековья усилилось влияние конфуцианства, которое, в свою очередь, было объявлено государственной религией в XIV в. «Будда, Конфуций, шаман, обожание (обожествление – прим. автора) гор – все это смешалось и составило религию простого человека в Корее, – писал в начале XX-го столетия русский писатель и публицист Н. Г. Гарин-Михайловский, совершивший путешествие в Корею в 1898 г. Русский исследователь вел долгие беседы с местными жителями и даже кратко изложил систему их религиозных воззрений».

Есть сведения, что католические миссионеры побывали в Корее еще в XVII в. В том же столетии два голландских корабля потерпели кораблекрушение у корейских берегов. Один из спасшихся моряков, Хенрик Хамель, после долгих лет пребывания в Корее, бежал в Японию, оттуда он перебрался на Запад и первым из европейцев описал эту загадочную страну. До XIX-го в. это было единственным свидетельством о Корее, известным Европе.

Достоверно известно о том, что христианство проникло в Корею в 1784 г. Молодой кореец Сенг, много слышавший о христианской религии, проповедовавшейся в Китае европейскими миссионерами, решил познакомиться с ними. Вскоре случай помог юноше. Его отец был назначен одним из членов посольства, отправлявшегося в Китай, и ему было разрешено присоединиться к свите посольства. По прибытии в Пекин Сенг имел несколько встреч с католическими миссионерами, которые не только подробно ознакомили его с христианской религией, но и крестили его, назвав Петром, в надежде, что он будет первым камнем («петрос» – греч. – камень) в здании новосоздаваемой корейской Церкви. По возвращении из Пекина Петр Сенг познакомил своих друзей с христианским вероучением.

Вскоре вокруг него начали группироваться последователи христианства, которые и выступили в качестве первых проповедников Христова учения среди своих соотечественников. Появление новой религии не могло остаться незамеченным корейским обществом, ревниво охранявшим от каких-либо изменений религию и обычаи, унаследованные от предков. Христианство с самого начала своего появления в Корее встретило множество противников и, главным образом, в правительственных кругах, стремившихся остановить распространение нового учения.

Не прошло и года со времени возникновения первых проблесков христианства в Корее, как один из правительственных чиновников написал послание против христиан, в котором убеждал их отказаться от нового учения. По рас-

поражению правительства это послание было напечатано и широко опубликовано. Насколько известно, это был первый официальный акт, в котором упоминалось о существовании христианства в Корее. Но, несмотря на такие строгие меры, направленные против христиан-корейцев, их число с каждым годом увеличивалось.

В 1789 г. христиане-корейцы решили создать у себя церковную иерархию и с этой целью обратились к католическому епископу, жившему в Пекине, с просьбой прислать им священников, присутствие которых в Корее было необходимо для жизни христианских общин. Но только через два года католический епископ в Китае смог отправить к христианам-корейцам молодого китайского священника Якова Цию. После долгих странствий и разных затруднений на корейской границе Цию лишь в начале 1795 г. удалось добраться до Сеула. Появление первого христианского священника в Корее было встречено христианами с радостью, но оно же послужило причиной новых гонений на корейских христиан. Главное обвинение, возводившееся на них, заключалось в том, что они якобы формируют тайное общество, разрушающее своим учением все основы государства, не признающее ни религии, ни обычаев предков.

Особенно тяжелым для корейских христиан был 1801 г. В это время в большинстве христианских семейств оставались в живых только престарелые женщины и дети, но и те подвергались различным гонениям. Миссионеры были вынуждены скрываться. Церковные службы совершались ночью, вполголоса, в бедной обстановке, причем нередко грубая скамейка с самодельным деревянным крестом над ней служила престолом, а убогая хижина – храмом.

С 1802 г. корейские христиане пользовались относительным спокойствием и, за исключением единичных случаев казней (в 1804-1805 гг.), массового преследования против них уже не осуществлялось. Число верующих опять стало постепенно возрастать, и за короткое время в Корее вновь образовались христианские общины.

В 1831 г. корейская церковная иерархия получила свое окончательное устройство. В этом году папа римский Григорий XVI учредил в Сеуле корейское апостольское викариатство, назначив первым корейским викарием епископа Брюгера, проповедовавшего в то время в Сиаме (Таиланд). Папой были посланы в Корею католические миссионеры. Но первому корейскому епископу не удалось проникнуть в Сеул. После трехлетних странствований, ожидания и различных лишений епископ Брюгер скончался в 1834 г. в Маньчжурии, на границе с Кореей, почти накануне своего вступления в эту страну. На его место был назначен епископ Имбер, прибывший в Корею лишь в 1837 г.

С 1840-х годов гонения на корейских христиан возобновились с новой силой и особенно были жестокими в конце 1860-х годов. В 1866 г. была совершена казнь епископа Девелуи и многих миссионеров. Что касается простых христиан, то их больше не судили, как прежде, а по одному только доносу бросали в тюрьмы, где многие умирали от болезней и голодной смерти. С этого времени и вплоть до 1870 г. мученической смерти было предано свыше 12 тысяч корейцев-христиан. Немало также их погибло за это время от голода и лишений.

В 1875 году Япония втянула Корею в серию вооруженных конфликтов. А в 1876 г. вынудила ее подписать договор, по которому признавала Корею независимым, т. е. свободным от китайской опеки государством. Это дало Японии доступ в корейские порты и право прохода через ее территориальные воды. Японское вмешательство положило конец изоляции Кореи: в последующие годы была заключена целая серия договоров с западными державами (в 1882 г. с США, в 1883 г. с Великобританией, в 1884 г. с Россией, в 1886 г. с Францией).

С этого времени иностранные миссионеры получили право проповедовать свою веру, что говорило о признании в Корее свободы вероисповедания. На полуострове появились протестанты, которые не только приобщали корейцев к своей вере, но и строили школы и больницы. Они привнесли достижения

западной науки и цивилизации во многие области корейской жизни, начиная от гигиены и сельского хозяйства и заканчивая электрификацией. В Корее начался процесс модернизации, поощряемый королем Коджоном, пришедшим на смену регенту Тэвонгуну.

Для корейских христиан наступило более спокойное время. Правители постепенно прониклись веротерпимостью ко всем существовавшим в стране религиям. К концу XIX-го века уже насчитывалось более 30 тысяч корейцев-католиков; в Сеуле было воздвигнуто два больших собора. Католические миссионеры устраивали здесь школы, семинарии, больницы.

Своеобразной реакцией на христианское влияние Запада стало новое религиозное учение, зародившееся в Корее в начале 1860-х гг. Оно получило название «тон-хак» («восточное учение»); его создателем был кореец Чхве Чжеу (Чху Чже У, 1824-1864). «Восточное учение» стремилось эклектически сочетать издавна существовавший в Корее культ поклонения небу, различные мистические пророчества с основными элементами трех восточных религий: конфуцианства, буддизма и даосизма. Как показывает само название, движение тон-хак противопоставлялось христианству («западному учению») и, казалось, отрицало его, но в действительности испытало на себе его влияние.

Распространение христианства в Корее происходило на фоне увеличивавшегося влияния учения тон-хак; буддизм, конфуцианство и даосизм также сохраняли свое влияние в стране. Это привлекло внимание российских востоковедов; один из них – П. И. Ждан-Пушкин в 1875 г. опубликовал исследование под названием «Корея. Очерк истории учреждений, языка, нравов, обычаев и распространения христианства». В этом сочинении русский автор уделил внимание истории буддизма и конфуцианства в Корее (глава 11. Религия, культ предков. Жрецы. Народные суеверия).

Особое внимание П. И. Ждан-Пушкин обратил на распространение в Корее христианства (глава 16), которое насаж-

далось там католическими миссионерами. Говоря о католическом влиянии в Корее, автор отмечал, что оно не очень глубокое и «вследствие всего этого мы, по крайней мере, полагаем, что корейцы пока не принадлежат в полном смысле слова к католицизму. Мы были бы вполне довольны, если бы наше замечание обратило на себя внимание русских миссионеров», – таково было предложение отечественного исследователя, выдвинутое им за четверть века до появления первого русского православного храма в Сеуле.

В 1880-е гг. в Корею проникли и протестантские проповедники различных конфессий, но на первых порах их успехи были незначительны в сравнении с успешной деятельностью католических миссионеров. В 1892 г. в России была издана книга, озаглавленная «Очерки Кореи» (СПб. 1892). Ее автор – М. А. Поджио, сотрудник Азиатского департамента МИДа, пишет: «С 1882 г. протестантские миссионеры также начали обращать внимание на Корею, но до сего времени (конец 1880-х гг.) деятельность их ограничилась только в отправлении в Корею нескольких тысяч экземпляров Нового Завета, переведенного на корейский язык миссионерами Мак-Интаер (Mc. Intyre) и И. Россом (John Ross), принадлежащим к Соединенной Пресвитерианской Шотландской Церкви, и издавна проживающими в Маньчжурии».

Что касается миссии Англиканской Церкви, то с начала своей деятельности в Корее в 1890 году она имела две «станции»: в Сеуле и в Чемульпо. В каждом из этих городов была построена небольшая церковь. К концу 1896 г. в составе миссии было уже 16 проповедников. Первым главой англиканской миссии в Корее был епископ Чарльз Джон Корф. В книге А. Гамильтона «Корея» (СПб. 1904, пер. с англ.) отмечалось: «Члены англиканской миссии в Корее в их повседневной практике высоко держат знамя миссионерского идеала, требующего от носителей его всяческих жертв, высокого героизма и твердости».

Активную деятельность в Корее развернули и методисты, преуспевшие в катехизации местных жителей. Как отмечал в

своей книге польский этнограф Вацлав Серошевский, в Сеуле «самыми многочисленными и лучшими из начальных миссионерских школ считаются школы методистов; в их воскресных школах в 1897 году обучалось до 900 учеников. Единственное в Корее высшее женское училище тоже основано методистами».

В своих очерках о Корее Вацлав Серошевский пишет также о местных верованиях, о посещении буддийского монастыря Сок-оан-са, о похоронных обрядах. В. Серошевский совершил путешествие в Корею и Японию в 1903-1904 гг. Ранее, за участие в польском освободительном движении он был приговорен к 7 годам каторги и в 1878 году сослан в Якутию. В 1905 году он выступил в печати за свободу Польши, был предан военному суду, но бежал за границу.

По некоторым оценкам к концу XIX-го в. в Корее насчитывалось около 40 000 католиков и до 6 000 протестантов. В начале XX-го столетия наблюдается значительный рост числа католиков. Так, в русской печати отмечалось, что на 1904 год «в Корее число всех христиан равняется приблизительно 120 тысячам, причем почти все они католики, число протестантов не доходит и до тысячи, а число православных даже до двухсот». Но со временем соотношение изменилось в пользу протестантов: к концу 1970-х гг. в (Южной) Корее христиане составляли около 20% от общего числа приверженцев различных религий, причем 16% из них это протестанты и лишь 4% – католики.

Русско-корейские отношения в конце XIX-го века

В 1884 году Россия установила с Кореей дипломатические отношения, и вскоре началось систематическое изучение Кореи русскими научными экспедициями, направлявшимися главным образом в северные, совершенно ранее не исследованные районы. Наиболее значительными были экспедиции И. И. Стрельбицкого (1895-1896), В. Л. Комарова (1897),

А. Г. Лубенцова (1898) и А. И. Звегинцева (1898). В экспедиции Звегинцева принимал участие писатель Н. Г. Гарин-Михайловский.

В своих записках отечественные путешественники делились своими наблюдениями о религиозной стороне жизни корейцев. Так, князь К. Н. Дадешкалиани (состоял при канцелярии Приамурского генерал-губернатора), совершивший поездку по Корею в 1885 году, писал: «Корейцы – последователи учения Конфуция, но религия эта, некогда идейная, до того ими искажена, что их смело можно назвать идолопоклонниками; как храмы, так и проезжие дороги заставлены множеством изображений злых, добрых, мудрых, коварных и тому подобных богов... Меня уверяли, что католическим миссионерам легко удастся обращать корейцев в христианство; я действительно видел этих крещеных корейцев, но они столько же христиане, сколько были последователи Конфуция».

Российское влияние в Корею усиливалось, и в 1885 г. между обеими странами был заключен договор, 4-я статья которого гласила, что в корейских портах, открытых для иностранцев, русским подданным «предоставляется право свободного отправления богослужений».

В конце 1880-х гг. Корея находилась в сильной зависимости от Китая и Японии, и корейские власти видели в России противовес устремлениям этих стран утвердиться здесь и в будущем. И когда в сентябре 1888 г. Сеул посетил великий князь Александр Михайлович, тогдашний правитель Кореи благодарил его «за нравственную поддержку», оказываемую правительству Кореи правительством России. Корея «из всех стран более всего уповает на Россию и на поддержку с ее стороны», – такие заверения были даны великому князю.

Основанное в 1860 году, религиозное учение тон-хак стало ксенофобным и националистическим. Его лидер – Чху Чже У был казнен в 1864 году, после чего оно стало политическим. В 1893 г. приверженцы тон-хак («восточное учение») подняли восстание против христиан в южной части Кореи. Его но-

вый лидер Чон Пон Чжин в 1894 году поддержал восстание, переросшее в кровавые крестьянские бунты. Правительство не в силах было подавить беспорядки, и вынуждено было обратиться за помощью к Китаю. И это, – несмотря на подписанный 10 лет назад договор, по которому Китай и Япония согласились не держать своих войск на территории Кореи. По просьбе короля китайцы пришли и подавили восстание. Этим немедленно воспользовались японцы и послали свои войска, якобы «защищать корейцев». Японская армия в два раза превосходила по численности китайскую; ее вторжение объяснялось необходимостью защиты японских подданных, находившихся в Корее.

Это явилось причиной японо-китайской войны (1894-1895), из которой Япония вышла победительницей. Она оставила свои войска в Корее и заявила всем иностранным государствам о своих имперских амбициях относительно Кореи. К августу 1895 г. Япония окончательно изгнала всех китайцев из Кореи. В результате Корея обрела формальную независимость; по Симоносекскому договору 1895 г. Китай и Япония признали Корею в качестве самостоятельного государства. Но по-прежнему не прекращалась политическая борьба прокитайской и прояпонской группировок внутри страны.

В 1895 году японцы убили враждебную к ним королеву Мин, чтобы избежать формирования прорусского правительства. Они заставили короля сформировать прояпонское правительство, которое приступило к столь решительным реформам, что вызвало сильнейшее сопротивление по всей стране.

В 1895-1896 гг. поездку по Корее совершили полковник генерального штаба Карнеев и поручик Михайлов. Русские путешественники побывали на юге страны и в своих записках они отметили возросшую активность западных миссионеров – как католиков, так и протестантов. «Деятельность католических миссионеров обширна и весьма почтенна, – писал Карнеев. – В Корее находится 26 французских миссионеров. Во главе их стоит архиепископ Mutel, пользующийся в Сеуле всеобщим уваже-

нием. При нем находятся 4 миссионера, остальные находятся внутри страны». Здесь речь идет о главе католических миссионеров в Корее епископе Мютеле, резиденция которого находилась в Сеуле. «Обращают на себя внимание дом католического архиепископа, строящийся католический собор и католический приют», – писал Карнеев, переходя затем к рассказу о деятельности рядовых пастырей Римско-Католической Церкви.

Одним из них был французский священник о. Бодуне (X. Baudounet), живший в городке Чончжу. «Р. (падре) В. уже давно в Корее, доволен своей деятельностью, хвалит корейцев как народ добрый, послушный и трудящийся, – писал Карнеев. – Корейцы относятся к нему с видимым почтением. По мере успеха проповеди он передвигается из города в город. Получает очень маленькое содержание. Какая разница между этим подвижником и американскими миссионерами Сеула и Фусана, получающими по 200 долларов в месяц и на каждого ребенка по 100 долларов в год, одевающихся во фраки и живущими в каменных домах!»

По сведениям, имевшимся у Карнеева об американских миссионерах, в то время в Корее находились пресвитериане, методисты и баптисты Северных Штатов и пресвитериане Южных Штатов. В то время пресвитериане вели свою работу в Сеуле, Пусане, Вонсане и Пхеньяне. «Все миссионеры эти часто делают поездки и во внутрь страны, – писал Карнеев. – Доказательством успеха их проповеди служит недавно выстроенная в Сеуле церковь, исключительно на средства христиан-корейцев Пресвитерианской Церкви. Церковь (храм) эта стоила свыше двух тысяч рублей, что составляет для корейцев весьма значительную сумму».

Методисты занимались миссионерской деятельностью в Сеуле, Инчхоне (Чемульпо), Вонсане и Пхеньяне. Они имели типографию, в которой печатали книги на корейском, китайском и английском языках. «В европейском квартале (Сеула) заслуживает упоминания типография ежемесячного журнала “The Korean repository“, издаваемого методистами», – сообщал Кар-

неев. Здесь речь шла об издании, основанном американскими миссионерами – Аппенцеллером и Хальбертом. Журнал выходил в свет с 1892 до 1898 г. (с перерывом в 1893-1894 гг.).

Кроме того, в Сеуле в те годы подвизались два представителя Библейского общества – английского и американского. Что касается посланцев из России, то, как отмечал Карнеев, «православных миссионеров в Корее ни одного, даже нет священника при Русской миссии». (В 1890 году сеульские власти выделили участок земли для захоронения иностранцев. Первым из них здесь нашел упокоение д-р Джон Герон (Heron) из пресвитерианской миссии. После этого, на протяжении ряда десятилетий, здесь росло число могил; ныне их сохранилось более 350. Здесь похоронены иностранцы, прибывшие в Корею из Англии, Германии, Франции, Бельгии, Италии, США, Канады, Австралии, Японии, с Филиппин, а также из России. В 1985 году историческое кладбище было объявлено «мемориальным парком» и взято под охрану государства. В 1986 году Объединенная Сеульская Церковь воздвигла на территории кладбища часовню).

Карнееву довелось познакомиться в Корее и с нехристианскими культурами. Во время своей поездки русский путешественник и его спутники прибыли в город Кончжу, где они побывали в крепости, возвышавшейся на скале. Там они посетили буддийскую святыню; это была «небольшая кумирня с шестью буддийскими бонзами (чуни)». «По нашей просьбе, – пишет Карнеев, – чуни совершил служение, для чего надел на спину кусок красной шелковой материи с вышивкой и тремя лентами: желтой, зеленой и малиновой; взял в руки колокольчик на ременной петле (без сердечника), кусочек рога, поставил перед изображением Будды медную чашку со стружками красного дерева и затем начал петь молитву, изредка позванивая в колокольчик. Молитва продолжалась недолго. Чуни встал раз на колени, сделал земной поклон и окончил молитву».

В те годы буддизм не был в Корее первенствующей религией. Тогдашний правитель страны – король Коджон («И-хянг»)

(1863-1907) был приверженцем конфуцианства, «соблюдающим обряды религии перед дощечками своих предков». По свидетельству Карнеева, «король отличается полной веротерпимостью и очень расположен к миссионерам и их деятельности».

Однако были и другие местные влияния. Как отмечает современная исследовательница Ю. В. Ионова, «в конце XIX в. корейская королева Мин сделала попытку возродить шаманизм как национальную религию, а шаманам вернуть их почетное положение, для чего она даровала им право находиться во дворце и присвоила им высокие титулы. Она пыталась организовать общенациональный шаманский культ под контролем центра, чтобы ослабить, а затем и ликвидировать влияние государственных конфуцианских деятелей. После дворцового переворота в 1895 году, когда королева Мин была убита, шаманы были изгнаны из дворца, и шаманство вновь оказалось на положении полуполюгального культа».

В ходе переворота слабый и колеблющийся Коджон остался заложником в руках японцев. Но 11 февраля 1896 г. король, ненавидевший и боявшийся японцев, бежал из своего дворца в переодетом виде и скрылся в здании русской дипломатической миссии, где и находился в течение 375 дней, – до тех пор, пока в стране не улеглись политические волнения. Полковник Карнеев находился в Корее как раз в это время. Как отмечал он в своих записях под 24 апреля 1896 г., «на Фусанском рейде находились суда нашей эскадры: «Отважный», «Забияка», минные крейсера «Всадник» и «Гайдамак» и миноноски «Уссури» и «Сунгари». На другой день суда нашей эскадры ушли из Фусанской бухты, за исключением крейсера 2-го ранга «Забияка», который оставлен был стационаром в Фусане».

Опираясь на помощь России, Коджон смог избавиться от иностранного влияния в Корее и сформировал прорусское правительство. Он отменил все договоры, навязанные ему японцами, и объявил Корею независимой державой. В мае 1896 г. один из родственников короля – Мин-ион-ван прибыл в Россию, где присутствовал при коронации взошедшего на престол импера-

тора Николая II. 9/21 ноября 1896 г. в Сеуле состоялось торжество по случаю закладки Арки Независимости. Она должна была свидетельствовать об освобождении Кореи от китайского господства. На церемонии закладки арки, план которой был составлен с помощью жившего в то время в Сеуле русского архитектора Сабатина, присутствовало от 4 до 5 тысяч человек.

12 октября 1897 г. король, чтобы подчеркнуть свою независимость от Китая, принял титул императора. Он отпраздновал свою коронацию на территории Русской миссии и провозгласил новое наименование своей империи – «Тае Хан», а свою династию назвал «Квангму» – «прославленный воин». Он приказал реставрировать и укрепить меньший дворец, который соединил проходами с американским и британским посольствами. Когда работы были закончены, он переселился в этот дворец и жил там, хотя и в безопасности, но все же в большом страхе перед японцами. В течение последующих семи лет в Корее преобладало русское влияние.

В середине 1890-х г. численность русской колонии в Сеуле достигла приблизительно 100 человек. Все сильнее ощущалась потребность в удовлетворении культурных запросов россиян, живших в Сеуле. Поэтому в корейской столице была учреждена русская общественная библиотека. Она была основана членами местной русской колонии; ее работу вело правление под председательством начальника российской миссии в Корее. «Кроме доставления подходящего чтения членам колонии библиотека бесплатно снабжает книгами и журналами нижних чинов и русско-подданных корейцев, – сообщалось в церковной прессе в 1897 году. – Ежемесячные взносы (по 1 доллару с членов колонии) дали по 1 июня 370 долларов, из которых 300 долларов израсходованы на журналы».

В 1897 году в Сеуле насчитывалось более 120 русских и 30 православных корейцев. Большинство из этих корейцев окончило курс в православной миссионерской школе Южно-Уссурийского края. Но в корейской столице не было православного священника, и поэтому по праздникам в российской миссии богос-

лужение совершалось в «помещении десанта» (охраны), куда собирались все православные, и где один из матросов читал молитвы. Но этим все и ограничивалось, поскольку таинства и требы мог совершать только священник. Вот что отмечалось по этому поводу в церковной печати: «Отсутствие священника крайне заметно для всех православных, а так как русская колония все увеличивается, то тем более желательно бы было по возможности в скорейшем времени иметь в Сеуле священника. Правда, нет помещения, но за этим дело не станет, а со временем, может быть, усердием православных удастся построить и храм. Католики и протестанты в этом нас давно опередили: у первых в Сеуле два собора, а у вторых – один».

Вопрос о приезде православного священника в Сеул неоднократно поднимался в церковных кругах. «Приходится жалеть, что в Сеуле, где в настоящее время так много русских, нет ни православной церкви, ни православного священника, – отмечалось в журнале «Православный благовестник» в 1897 году. – Отсутствие православной церкви в Сеуле, как приходилось слышать от бывавших там русских, вызывает даже удивление в корейцах, которые никак не могут себе объяснить, отчего у всех европейцев, живущих в Сеуле, есть и церкви, и священники, и миссионеры, и только у одних русских нет. Несомненно, что православный русский священник, который бы поселился в Сеуле, оказал бы великую услугу как пребывающим (там) русским, так и русскому делу, послужив сближению и оказывая противодействие всему антирусскому и враждебному, в чем недостатка, по словам знающих, положение дел в Сеуле, не имеется».

Учреждение Русской Православной миссии в Сеуле

По мере развития русско-корейских отношений возникла необходимость создания церковного представительства при Русской дипломатической миссии в Сеуле. В 1897 г. Синод Русской Православной Церкви принял решение об учреж-

дении Русской духовной миссии в Корее, в задачу которой входило бы попечение о русских православных христианах, пребывающих на Корейском полуострове, а также проповедь Православия среди местного нехристианского населения.

Русско-корейские связи в те годы развивались успешно; корейцы видели в России гаранта государственной независимости. Об этом сообщал в своих записях Н. Г. Гарин-Михайловский, который во время пребывания в Корее посетил город И-Чжоу. В своем дневнике 18 октября 1898 г. русский публицист отмечал: «Корейцы по-прежнему любезны до бесконечности. Начальник города, кунжу, прислал к нам цуашу (предводителя дворянства) с вопросом, не надо ли нам чего... Любезность кунжу этим не ограничилась. Он первый сделал нам визит и на наше замечание, что он предупредил нас, сказал: «Имя русского в Корее священо. Слишком много для нас сделала Россия и слишком великодушна она, чтоб мы не ценили этого. Русский – самый дорогой наш гость. Мы между двумя открытыми пастями: с одной стороны Япония, с другой – Китай. Если нас ни та, ни другая пасти не проглатывают, то, конечно, благодаря только России». Быть может, такого рода сообщения и побудили обер-прокурора Св. Синода Русской Православной Церкви К. П. Победоносцева написать в своем отчете за 1900 г.: «Успех Православной миссии в Корее ныне можно считать вполне обеспеченным».

20 июня 1897 г. последовало Высочайшее соизволение на учреждение православной миссии в Сеуле и на сооружение здесь первого православного храма. Поскольку число православных христиан в Сеуле было относительно невелико, было решено на первых порах ограничиться пристройкой к зданию Русской дипломатической миссии помещения для домово́й церкви. «Одно из наиболее красивых мест возвышенного холма, откуда открывается вид на столицу, занимает дом Русской миссии. При последней предположено соорудить первый православный храм в Корее», - сообщалось в одном из разделов трехтомного «Описания Кореи» (СПб. 1900, тт. 1-3).

В состав миссии были назначены архимандрит Амвросий (Гудко), иеродиакон Николай (Алексеев) и псаломщик А. Красин. В начале 1898 г. члены миссии отбыли из России к месту своего назначения. На постройку в Сеуле церкви и дома для причта было ассигновано из казны 25 тысяч рублей. Но правительство, выделив эту сумму, признавало, что она весьма незначительна даже для начала, особенно в сравнении с положением инославных миссий, действовавших в Корее. Поэтому архимандрит Амвросий, накануне отъезда из России, через церковную печать обратился к русским христианам с просьбой о пожертвованиях на дело православной проповеди в Корее.

Признавая заслуги католических миссионеров, которые к тому времени обратили в христианство свыше 30 тысяч корейцев, о. Амвросий свидетельствовал о том, что «вся остальная масса народа, числом свыше 13 миллионов душ, продолжает пребывать в вере Будды, Конфуция и в грубых формах идолопоклонства». «Пусть никого не смущает то обстоятельство, что мы просим пожертвований, еще не прибыв в Корею и не начав дела, – продолжал о. Амвросий, – ибо ожидающие нас там нужды нам и здесь известны, а затем ведь и для начала дела нужны средства и большие средства».

И снова начальнику миссии приходилось обращаться к опыту инославных проповедников, подвизавшихся в Корее. «Католические миссионеры располагают многими сотнями тысяч; нам необходимы, по крайней мере, десятки, чтобы можно было в десятки лет потверже поставить то дело, из-за которого они хлопочут вот уже более сотни годов», – отмечал о. Амвросий.

У начальника Русской Духовной миссии были большие планы. По прибытии в Сеул архимандрит Амвросий намеревался приступить к возведению церкви. «Первый православный храм в Корее мы намерены строить во имя Святителя и Чудотворца Николая, да будет он сильным хранителем в морях, вокруг Кореи, плавающих и в волнах язычества по-

гибающих, – писал о. Амвросий. – Этого храма давно уже с нетерпением ждет проживающая там наша русская колония (всего около 100 человек), которая до сих пор мучилась там без церкви и священника. Благолепие этого храма должно бы сколько-нибудь соответствовать величию того угодника Божия, во имя которого он имеет быть построен, и имя которого хорошо известно, вероятно, даже корейским язычникам».

Заканчивая свое обращение к благочестивым читателям, о. Амвросий приводил адреса, по которым можно было высылать пожертвования на нужды православной миссии: в Санкт-Петербурге – в Хозяйственное управление при Святейшем Синоде, в канцелярию Санкт-Петербургского митрополита, священнику Александру Васильеву (Фонтанка, 154); в Москве: в Синодальную контору, в редакцию «Московских ведомостей», настоятелю Покровского монастыря архимандриту Амфилохию, в канцелярию Миссионерского общества (Сретенка, дом Спасской церкви); в Киеве – отцу наместнику Свято-Успенской лавры.

Но на первых порах в деятельности миссии встретились большие трудности. Дело в том, что в эти годы русское влияние в Корее стало уменьшаться, уступая место японскому. И в то время, как члены миссии приближались к месту своего служения, в Корее произошел ряд политических событий, неблагоприятных для России. В силу этих обстоятельств русские подданные, жившие в Корее, стали уезжать из этой страны. Финансовый советник, дирекция и служащие русско-корейского банка также покинули Сеул. По предложению российского поверенного в делах в Корее, члены Русской Духовной миссии должны были на время поселиться в Уссурийском крае, в ожидании более благоприятных обстоятельств.

Архимандрит Амвросий поселился на некоторое время в г. Новокиевске, но вскоре был отозван в европейскую часть России, где получил новое назначение. Псаломщик Красин временно поступил на государственную службу, и только иеродиакон Николай продолжал терпеливо ждать перемены к

лучшему. Наконец в начале 1899 г. корейское правительство разрешило иеродиакону Николаю обосноваться в Сеуле. Прибыв в столицу Кореи, о. Николай устроился при Русской дипломатической миссии и, в ожидании приезда из России своих будущих соразработников, стал присматриваться к корейцам и наставлять их истинам православной веры.

Указом Святейшего Синода от 7 сентября 1899 г. начальником Русской Духовной миссии был назначен архимандрит Хрисанф (Щетковский), выпускник Казанской Духовной академии, в течение пяти лет трудившийся миссионером среди донских калмыков. Вот что сообщалось в церковной печати по поводу его нового назначения: «14 сентября (1899 г.) в день Воздвижения Честного и Животворящего Креста, за литургией в соборе Александро-Невской лавры, Высокопреосвященнейшим Антонием, митрополитом Санкт-Петербургским, посвящен в сан архимандрита вновь назначенный начальник Корейской миссии о. иеромонах Хрисанф. Отец архимандрит Хрисанф, в миру Христофор Петрович Щетковский, уроженец Донской епархии, 31 года от роду. Первоначальное и среднее образование получил в Донском духовном училище и семинарии, по окончании курса которой в 1890 году, был определен священником походной церкви станицы Великокняжеской (для калмыцких степей). Овдовев, он поступил в число студентов Казанской Духовной академии в 1895 году, по окончании которой в настоящем году и получил назначение начальника Корейской миссии. В непродолжительном времени, через Одессу, о. архимандрит выезжает к месту своего служения».

Отец Хрисанф подыскал себе помощника на должность псаломщика – это был миссионер Иона Левченко, как и его начальник, трудившийся среди донских калмыков. В декабре 1899 г. оба миссионера выехали из России в Корею. К этому времени в Сеуле находился не только иеродиакон Николай, но и вернувшийся в состав миссии А. Красин. В ожидании приезда начальника миссии они занялись подготовкой к кате-

хизаторской службе: изучали корейский язык, познакомились с корейцами. В одной из комнат дома российского посланника был установлен иконостас; по воскресным и праздничным дням они устраивали молитвенные собрания, на которых под управлением А. Красина пел хор из крещеных корейцев и казаков местной охраны.

Обустройство Русской миссии

12 февраля 1900 г. архимандрит Хрисанф и псаломщик Иона прибыли в Сеул. Собственного помещения новая миссия еще не имела, и русский посланник в Сеуле А. И Павлов предоставил в ее распоряжение здание бывшего русско-корейского банка. О цели прибытия миссии было напечатано во многих корейских газетах.

Русская колония радостно встретила приехавших миссионеров. На следующий день, в присутствии всех русских, во главе с посланником Александром Ивановичем Павловым, и некоторых крещеных корейцев, был совершен благодарственный молебен. Сообщение об этом было опубликовано в русской церковной печати. В корреспонденции из Сеула сообщалось: «Прибывший архимандрит новой церкви при миссии после молебствия сказал членам миссии и всем русским в Сеуле приветствие: «...Мы, православные русские, привыкли, где соберемся, там первым делом позаботиться о храме Божиим. Благодаря стараниям нашего поверенного в делах, церковь устроена...» Потом архимандрит вынес крест и провозгласил: «Этот крест нам особенно дорог потому, что подарен отцом Иоанном Кронштадтским, который обещал молиться за нас».

17 февраля состоялось освящение домово́й церкви и совершена Божественная литургия. Так в 1900 году было положено основание Русской Духовной миссии в Корее. С этого времени архимандрит Хрисанф стал периодически совершать литургию в домово́й церкви русского консульства в Чонг Донге.

Чонг Донг, – «Долина Добродетели», – эта часть города, названная так в честь могилы второй королевы династии Ю. В конце XIX-го века это было сравнительно слабо населенное место, находящееся между Большими Западными Воротами и главной дорогой, идущей от Летнего Дворца (где была убита королева Мин) к Большим Южным Воротам, главным воротам города. Все иностранные дипломатические миссии, кроме германской, были расположены в этом районе. На углу, ближайшем к Южным Воротам, стоял заново отделанный дворец «Добродетельного Многолетия», где жил король. Рядом с ним находилась ограда англиканской миссии с маленькой церковью в корейском стиле и небольшим госпиталем св. Петра. По соседству было консульство Великобритании. К западу, позади дворца и консульства, находилось американское посольство. К югу от него была расположена американская Методистская миссия. Отсюда дорога вела прямо к Западным Воротам между домом французского посольства и холмом, покрытым лесом, на вершине которого стоял дом с колоннами, принадлежавший русскому консульству. Все здания были окружены большими садами.

Вот как описывал архимандрит Хрисанф домовую церковь: «Храм, благодаря стараниям посланника А. И. Павлова, устроен весьма удобно и уютно. Он занимает довольно просторную комнату в доме посольства, которая, в восточной своей стороне оканчиваясь полукругом, отделяется от большей своей части аркой, в которой и установлен иконостас. Пол полукруглой части комнаты несколько приподнят, устроена солея, амвон, клиросы и вполне поместительный алтарь, а с главной веранды дома устроен совершенно отдельный ход. Церковь может вместить в себя до 80 человек молящихся, и с этой стороны вполне удовлетворяет потребностям местного православного населения, коего в Сеуле проживает около 50 человек (русских 25 человек и корейцев около 20-и».

Правда при этом начальник миссии с сожалением свидетельствовал о том, что «утварь церковная имеется в самом

ограниченном количестве. Причем ризы и облачения для святого престола и жертвенника от долгого неупотребления при здешнем сыром климате попрели и местами порвались».

Несмотря на то, что корейцы могли посещать домовую церковь, проводить при этом храме катехизацию новообращенных было неудобно. Как отмечал о. Хрисанф, «дом посланника находится в глубине миссийского двора, куда доступ корейцам весьма затруднителен и, тем более, что у ворот миссии всегда стоит страшный для корейцев вооруженный казак». Поэтому вскоре после учреждения миссии началось строительство дома для катехизации будущих корейцев-прихожан.

Еще в 1898 г. для миссии был приобретен земельный участок в районе Динг-Донг (Чонг Донг), расположенный недалеко от центра столицы. В 1901 г. приступили к строительным работам, а в 1902 г. территория миссии была полностью благоустроена. Были выстроены дом для миссионеров, колокольня, дом для переводчиков, здание школы с комнатами для преподавателей и подсобные помещения.

Существенную помощь миссионеры получили из России: «Государь император по всеподданнейшему докладу управляющего министерством финансов, высочайше повелеть соизволил отпустить из сумм Государственного казначейства 2500 рублей на первоначальное хозяйственное обзаведение и меблировку комнат Корейской духовной миссии», – сообщалось в «Православном благовестнике». Участок был огражден кирпичной стеной в корейском национальном стиле.

6 марта 1902 г. здание православной духовной миссии было освящено. Об этом также сообщалось в церковной печати. Торжественная церемония проходила «в присутствии русского посланника г-на Павлова и членов миссии и посольства, командира мореходной лодки «Гиляк», русских колонистов. После молебствия присутствовавшие были приглашены начальником миссии архимандритом Хрисанфом к столу... Постройке здания духовной миссии много содействовал послан-

ник Павлов». Миссионерский дом был построен с террасами на обоих этажах – характерной особенностью всех иностранных посольств той эпохи в Корее. На террасах стояли пальмы в горшках; все было устроено с целью произвести благоприятное впечатление на посетителей.

В качестве храма теперь было решено временно использовать здание школы. В Москве специально по заказу миссии были отлиты колокола. Для строительства храма архимандриту Хрисанфу был отведен угол русского участка, прилегавший к Западным Воротам возле вершины холма. Он построил маленькую кирпичную церковь на участке, возвышавшемся над Посольской улицей. Она была освящена 17 апреля 1903 года в честь Святителя и Чудотворца Николая. Корейской миссии большую поддержку оказал протоиерей Иоанн Кронштадтский, поддерживавший с о. Хрисанфом тесные связи. В знак своего благословения новому очагу Православия о. Иоанн прислал свое праздничное золотого цвета облачение, которое до сих пор хранится в миссии как драгоценная реликвия. (В «нижнем» храме преп. Максима Грека, где совершается богослужение для русских прихожан).

Начало миссионерской деятельности

Вскоре некоторые жители Сеула и его окрестностей стали приходить к отцу Хрисанфу с просьбой познакомить их с православным вероучением. Самой большой трудностью для членов миссии было незнание корейского языка, но неожиданно для себя они получили помощь со стороны православных корейцев, ранее проживавших в Уссурийском крае, а впоследствии переехавших в Сеул. Когда стало известно о прибытии в Корею членов Русской духовной миссии, они пришли к архимандриту Хрисанфу и предложили ему свои услуги в качестве переводчиков.

Их было здесь немного, всего 25 человек, но, живя в нехристианской среде, без священников и православного хра-

ма, эти корейцы забыли даже то, как нужно полагать на себя крестное знамение. Православных корейцев пришлось собирать на квартире архимандрита Хрисанфа, вести с ними религиозно-нравственные беседы. Он наделил их крестиками, иконами, молитвенниками и евангелиями. Эти наставления не остались бесплодными: крещенные корейцы стали регулярно посещать храм, а в Великом посту большинство из них причастилось Св. Таин.

Одного из наиболее способных корейцев, владевшего русским языком, привлекли к огласительным беседам с некрещеными. Многие корейцы, приезжая в Сеул по своим делам, часто – просто из любопытства, заходили в здание православной миссии. Познакомившись здесь с христианским вероучением, некоторые из них оставались в Сеуле на несколько недель, принимали крещение и затем отправлялись к себе домой в провинцию. Отдельно от мужчин огласительные беседы велись и для женщин. Таким образом, православная миссия приобрела учеников, большая часть которых проживала по северо-западному побережью Кореи: Хе-чжу, Сон-хоа, Мунь-хоа, Ань-Ак и др.

В октябре 1900 г. при Русской духовной миссии была открыта школа для корейских мальчиков. Правда, в ней училось первоначально всего 12 человек, и в следующем году их число не увеличилось. «В самые последние годы была учреждена в Сеуле и православная миссия во главе которой стоит архимандрит Хрисанф. Он прибыл в Корею в 1900 г., и в конце этого же года была открыта в Сеуле православная миссионерская школа и начата постройка церкви. Православных корейцев, однако, пока еще немного», – писал П. Ю. Шмидт о начальном этапе истории русской миссии.

Но, тем не менее, число корейцев, принимавших Православие, постоянно росло. Скромные масштабы школьного просвещения в определенной степени восполнялись благодаря симпатиям корейцев к обрядам Православной Церкви. «Будучи воспитаны на конфуцианских книгах, предписывающих своим последователям исполнение всевозможных церемоний, – пи-

сал псаломщик миссии Иона Левченко, – большинство корейцев являются поборниками внешнего обрядового служения, в котором выражается та или иная религиозная идея. Все наши православные обряды отличаются той именно драгоценной особенностью, что весьма наглядно выражают христианские истины, которые через эти обряды и легче воспринимаются, глубже вкореняются в сознании. Вот почему и корейцы с таким вниманием наблюдают за всеми действиями священника во время богослужения, с детской любовью и почитательностью относятся к священным изображениям и предметам, с особенной тщательностью полагают на себя крестное знамение и вообще питают благорасположение ко всей обрядовой стороне нашего православного богослужения».

Перевод богослужебных книг

Сотрудники Русской миссии придавали большое значение переводу вероучительных и богослужебных книг, но при этом возникли трудности, связанные с особенностью переложения церковно-славянских текстов на корейский язык, поскольку добровольные переводчики не владели церковной терминологией. С большим трудом удалось перевести начальные молитвы, Символ веры и десять заповедей Моисеевых. Но вскоре переводческая деятельность миссии была значительно облегчена и сделалась более эффективной.

Этому способствовало то обстоятельство, что до конца XIX в. в Корее письменно-литературным языком был ханмун – корейизированный стиль китайского вэньяна. Корейское фонетическое буквенно-слоговое (лигатурное) письмо было изобретено еще в 1444 г., но много веков официальным письмом в стране оставалось китайское, и лишь в 1894 г. было введено смешанное (иероглифо-буквенное) китайско-корейское письмо.

Поэтому, зная о знакомстве корейцев с китайской письменностью, архимандрит Хрисанф обратился к русскому начальнику Пекинской Православной миссии с просьбой прислать

китайские переводы вероучительных книг. Книги были пересланы из Пекина в Сеул, и с тех пор корейцы могли читать в китайских книгах то, что им до тех пор излагалось только устно через переводчика.

В 1900 г. для православных корейцев были переведены с китайского языка «Православное исповедание» св. Димитрия Ростовского, Часослов и «Чин крещения язычников». Корейцы, принимавшие Православие, нуждались также в ознакомлении с Библией. Помощь в этом деле пришла благодаря трудам находившейся в Корее протестантской миссии методистов. В 1900 г. ее сотрудниками был закончен перевод на корейский язык книг Священного Писания Нового Завета, а в 1902 г. – книг Ветхого Завета.

Первые шаги, предпринятые сотрудниками Русской духовной миссии, постепенно стали приносить плоды. Но слишком кратким было время пребывания ее сотрудников в Корее, и влияние католической и протестантских миссий в стране ощущалось в гораздо большей степени. В связи с этим возникла потребность в подготовке собственных переводческих кадров. Эту задачу взяла на себя Казанская «инородческая учительская семинария», куда были направлены на учебу 7 корейцев. «Учатся корейцы в семинарии очень усердно, особенно же старательно изучают они русский язык», – отмечалось в «Православном благовестнике» в 1902 году.

В те годы в Казани имелась Переводческая Комиссия, учрежденная на средства православного Миссионерского Общества. Эта Комиссия занималась переводом и изданием книг для тех народностей, среди которых действовали миссии Русской Православной Церкви. Приезд в Казань корейцев существенно продвинул переводческую деятельность Комиссии. Для начала была напечатана и издана «Азбука для корейцев», с приложением отдельных терминов и выражений, а также обширного материала для чтения в форме рассказов (всего 91).

Затем Комиссия приступила к печатанию на корейском языке избранных песнопений и чтений из литургии. (Литур-

гия и Евангелие были переведены еще в начале 1880-х гг., но за неимением в Казани «носителей» корейского языка, эти рукописные подстрочники лежали без употребления. С появлением в Казани «природных» корейцев появилась возможность проверить правильность и удобопонятность перевода, исправить текст, а затем напечатать).

В дальнейшем переводческая деятельность православных миссионеров была продолжена. При этом язык перевода несколько отличался от языка, принятого в других корейских миссиях. Так, англиканская миссия приняла терминологию, основанную на римско-католической практике, бытовавшей в то время в епархии Северного Китая. Ее удобство заключалось в том, чтобы, по крайней мере, внешне не обнаруживать разъединенности христианского мира. Миссионеры других протестантских Церквей, наоборот, хотели подчеркнуть свою обособленность от Рима и придумали новую терминологию, пользуясь разговорным корейским языком в противовес возвышенному языку англиканской литургии.

Православные книги по языку стоят отдельно: их церковная терминология большей частью совпадает с англиканской, кроме одного слова – «священник», который в католическом и англиканском переводе значит «предстоящий в жертвоприношении», а в православном же переводе значит «духовный отец». Также и со словом «диакон», – которое при сходстве смысла иначе звучит и имеет в письме другой знак. Для таинства Евхаристии англикане употребляют слово «Misa», а православные и по-корейски говорят «литургия», хотя в 1950-е годы вошло в употребление и у православных слово «Misa». «Таинство» православные миссионеры перевели как «ому», «тайна», в противоположность католическому и англиканскому «songsa», «святое действие», хотя последнее слово стоит в заглавии корейского православного молитвенника.

Лингвистические особенности, которые имеются в тексте православной литургии, это, во-первых, употребление чисто корейского слова «Hunanim», «Небесный Дух» для Бога,

вместо производного от китайского языка «Ch'onju», «Господь Неба», употребляемого католиками и англиканами, и затем транслитерации с русского всех собственных имен, как «Jisus Hristos», вместо западного «Jesu Kristo».

Русско-английские связи в Сеуле

ндрит Хрисанф прибыл в Корею в то время, когда там уже укоренились катехизаторы ряда инославных Церквей. Вот что сообщал он, например, о деятельности англиканских миссионеров: «В сравнительно недавнее время – в 1890 году – в Сеуле открыла свои действия англиканская миссия Епископальной высокой Церкви. Во главе миссии стоит известный (на Востоке) по своей подвижнической жизни епископ Корф. Главный миссионерский стан этой миссии находится верстах в 60 от Сеула на острове Кан-хоа; в Сеуле же имеется две англиканские церкви, из коих одна при английском посольстве, а другая – специально миссионерская – находится в корейской части города. Эта последняя церковь украшена, между прочим, иконами русской живописи, подаренными епископу Корфу преосвященным Николаем Японским. В распоряжении епископа имеется 20 человек миссионеров, которые трудятся в разных местах Кореи. В Сеуле и порте Чемульпо устроены два госпиталя (мужской и женский) и амбулатория; уход за больными, а также и миссионерствование среди женщин-кореек находится в ведении сестер общины святого Петра в Лондоне. При главном миссионерском стане существует собственная типография, в которой печатаются миссионерские издания на корейском языке. Англиканская миссия, кроме ежегодной правительственной субсидии в размере 2000 фунтов стерлингов (20000 рублей), получает солидное вспомоществование от офицеров английской восточно-океанской эскадры. Количественный успех англиканской миссии весьма незначителен: за одиннадцатилетний период существования миссии в Корею ими окрещено всего

80 человек корейцев обоего пола. По правилам миссии срок оглашения определен трехгодичный, без всякого сокращения и послабления...»

С англиканскими миссионерами архимандрит Хрисанф установил дружеские отношения. В сентябре 1900 г. в местном англиканском храме было совершено рукоположение катехизатора Джорджа Брайля. Как отмечал в своем миссионерском журнале епископ Корф, русский архимандрит присутствовал при этом и «выказал свою братскую любовь к нам тем, что присоединился к моему духовенству при возложении рук на посвящаемого – знак (как я решился ему об этом сказать в притворе) грядущего еще более тесного единения».

В Корее Англиканская Церковь именовалась Songgonghoe – «Святое Общество для всех»; Православной Церкви было усвоено название Chonggyohoe – «общество правильной доктрины». Английский автор А. Гамильтон, побывавший в Корее в начале XX в., так оценивал положение русской миссии: «Живет в Сеуле русских очень мало; это собственно персонал посольства, посольская стража, православные священники и несколько торговцев».

Перед христианскими миссионерами из разных стран и Церквей, жившими в Корее, стояла общая задача – противодействие нехристианским религиям, имевшим большое влияние в стране и, в первую очередь, буддизму. По словам А. Гамильтона, «в настоящее время буддийские догматы пользуются везде в Корее большим уважением, буддийские храмы и монастыри создаются в различных частях империи, и японские и корейские буддийские жрецы сообща ведут борьбу с западными миссионерами. Корейский император, со своей стороны, охотно поощряет распространение этой религии и жертвует крупные суммы на восстановление разрушенных храмов, лежащих вне Сеула...Буддизм занял первенствующее положение в стране, и хотя чисто этическое учение Конфуция там и поныне признается, тем не менее, Корею следует причислить к государствам, исповедующим религию буддийскую».

Однако, как свидетельствовал тот же английский автор, в Корее «ныне терпимость к западному вероучению сделалась всеобщей», и это значительно облегчало работу христианских миссионеров. Что же касается членов Русской миссии, то в тяжелые для них времена они неоднократно пользовались помощью англичан.

Русско-японская война 1904-1905 гг.

В конце XIX в. Россия усилила свое влияние не только в Корее, но и в Маньчжурии. В 1896 году китайское правительство подписало договор, предоставлявший России право строить железную дорогу в Северном Китае (КВЖД). В 1898 г. у Китая были взяты в аренду две южные гавани Маньчжурии: Порт-Артур и Да-лянь-ван (Дальний), причем Порт-Артур был превращен в крепость. Одновременно началась военная оккупация Маньчжурии и подготовка к оккупации Кореи. Все эти действия вызывали недовольство Японии, которая тоже имела виды на эти земли. Японское правительство пыталось завязать переговоры, предлагая раздел сфер влияния: предоставить России права на Маньчжурию, а Японии – на Корею. Однако царское правительство отказывало Японии в праве держать в Корее войска и требовало нейтрализации Северной Кореи. Наиболее проницательные политики понимали, что рано или поздно произойдет столкновение Японии с Россией. А тем временем деятельность Русской миссии в Корее продолжалась.

Благодаря трудам о. Хрисанфа молодая православная община в Сеуле зажила полнокровной жизнью. За время его миссионерской деятельности были крещены 14 корейцев; это только один пример плодотворной деятельности энергичного начальника миссии. Готовилась к печати книга первоначальных наставлений в вере; в окрестностях Мунсана, города в 35 км к северу от Сеула действовали корейские катехизаторы. (Мунсан был разрушен во время корейской войны 1950-1953 гг., в нем не осталось ни одного прежнего здания).

В отчете о деятельности Русской духовной миссии в Корею за 1902 г. сообщалось, что в школе для корейских православных мальчиков обучалось 10 человек, из которых 6 находились на полном содержании миссии. «Дети воспитываются в строго православном духе, – отмечалось в отчете, – они изучают Символ веры, заповеди, краткие рассказы из Священной истории Ветхого и Нового Завета. С корейским же учителем они проходят «Тысячесловие» (Чх^{ан}нь-чжа-мунь). Посещая неопустительно церковные службы, ученики поют на корейском языке «Верую», «Отче наш» и «Господи, помилуй», а на славянском языке принимают участие в прочих песнопениях литургии и всенощной».

В 1905 году в Москве вышла в свет книга «Корейцы-христиане». Ее автор – архимандрит Павел (Ивановский) (будущий начальник РДМ в Корею) писал: «Протестантские миссии главный тормоз своей деятельности усматривают в почитании корейцами предков – в культе предков. Это понятно, потому что почитание родителей и предков у корейцев является краеугольным камнем общественной и религиозной жизни. Протестанты же не признают молитв за умерших. Другое дело – Православная Церковь; ее высокохудожественный, умиленный погребальный чин, служение сорокоустов, панихид, особые дни поминовения усопших – общие и частные – все это должно прийтись по сердцу корейцам. И вот, если отбросить недостойное и незаконное в корейском культе предков – поклонение духам, то все остальное послужит не помехой, а, наоборот, помощью в делах православной миссии».

В своей книге архимандрит Павел пишет: «Дай Боже, чтобы над Кореей скорее воссияло солнце Православия, воссияло уже светом невечереющим...».

Все шло хорошо до того момента, когда разразилась катастрофа. Япония прервала долго тянувшиеся переговоры с Россией, и в ночь с 26 на 27 января 1904 г. начала военные действия. Без объявления войны японцы напали на три русских корабля и потопили их в гавани Инчон (в то время она была

известна под именем Чемульпо, название, принадлежащее всему району гавани). Японцы принудили корейского императора подписать договор, предоставлявший японским войскам свободный проход через страну. Война была короткая – немногим более года – и на Корейском полуострове военных действий не велось. Но война перечеркнула все планы России в Корее, а русская крепость Порт-Артур была потеряна.

Корея подверглась японской оккупации, и все русские граждане были вынуждены покинуть ее пределы. 12 февраля 1904 г. русская дипломатическая миссия на французском крейсере «Паскаль» покинула Корею. С большой скорбью расстался с паствой и о. Хрисанф. В феврале 1904 г. вместе со своими сотрудниками он выехал из Кореи. Имущество миссии было описано и вверено на сохранение французскому посольству.

Перед отъездом архимандрит Хрисанф обратился за помощью и к англиканским миссионерам. Он оставил экземпляр своего корейского катехизиса в англиканской миссии, и о. Вильфред Герней с помощью «доброго плотника по имени Николай» посещал и поучал 20 или 30 семейств в Сеуле и Мунсане.

Сотрудники православной миссии были высланы из Сеула японской военной администрацией и нашли временный приют в Шанхае в отделении Пекинской Православной миссии. По возвращении в Россию о. Хрисанф был рукоположен в епископа Елизаветградского, но его архиерейское служение длилось недолго – в 1906 г. он скончался от туберкулеза, прожив всего 37 лет.

Миссионерская деятельность о. Павла (Ивановского) (1906-1912 гг.)

В ноябре 1906 года Корея была вынуждена подписать договор признания над собой японского протектората. Император Коджон безуспешно пытался призвать на свою сторону иностранных государственных деятелей во время Гаагской

мирной конференции в 1907 году. В ответ на это проявление неповиновения японцы вынудили Коджона отречься от престола в пользу его сына Сунджона.

Новый период в истории Русской миссии в Сеуле наступил после нормализации отношений между Россией и Японией. Достойным преемником о. Хрисанфа стал архимандрит Павел (Ивановский). С четырьмя помощниками, прибывшими вместе с ним из России в Сеул, он энергично трудился на миссионерском поприще.

За 6 лет своего пребывания в Корее отец Павел широко развернул проповедническую деятельность и создал 5 миссионерских станов, 7 школ на 220 мест для корейских детей, а также ряд молитвенных домов. Все они находились вокруг столицы в направлении к Мунсану на расстоянии не более 40 км от Сеула. Число христиан в каждом из этих мест составляло от 50 до 100 человек (к сожалению, все эти церкви были упразднены в 1920-х гг.). Отцу Павлу удалось построить церковно-приходскую школу даже во Владивостоке, где, как известно, с давних времен жили выходцы из Кореи.

Архимандрит Павел имел при себе русского диакона. Первого корейца, которого он представил к рукоположению, звали Канг Джон. Это был молодой человек 34 лет. Архиепископ Токийский Сергей (Тихомиров) рукоположил его в сан диакона в 1911 году и в сан иерея в 1912 году. (Несколько лет спустя о. Канг Джон устранился от исполнения своих обязанностей. Умер он в Харбине в 1939 г.)

Значительное внимание о. Павел уделял переводу богослужебных книг на корейский язык. Часть переводов была отпечатана в нескольких изданиях. Эти переводы давали возможность совершать все богослужения и требы для корейцев на их родном языке. Отцу Павлу удалось продолжить дело своего предшественника архимандрита Хрисанфа. Вместе с корейским переводчиком Каном они проделали большую работу, переведя молитвослов, часослов, паримийник, служебник, требник, избранные службы из Октоиха, Триоди

и праздничной Минеи, а также краткую историю Ветхого и Нового Завета, катехизис, последование к Святому Причащению и чин панихиды. Многие переведенные книги были вскоре отпечатаны в типографии; часть переводов так и осталась в рукописях. В свою очередь, рясофорный послушник Федор Перевалов с помощью М. Г. Кима положил на ноты многие песнопения на корейском языке, сохранив при этом основы русских церковных мелодий.

В 1910 г Корея потеряла независимость и стала японской колонией. 22 августа 1910 г. японский генерал Тераути Масаатаке вынудил корейского премьер-министра Ли Ван Яна подписать документ об аннексии, по которому Корея отказывалась от своей автономии. Это было официальным концом королевства династии Чосон.

Установление колониального режима не означало для многочисленных сеульских россиян ничего хорошего. Японцы воспринимали русских как своих недавних противников, так что отношение властей к русским сеульцам было не слишком доброжелательным. Большинство русских предпринимателей, которые вели с Кореей дела до 1910 г., предпочли покинуть Корею. Поэтому в 1910-1917 гг. русская община в Сеуле была очень невелика. Состояла она в основном из консульских чиновников, православных миссионеров, да десятка-другого торговцев и предпринимателей.

В 1912 г. архимандрит Павел был отозван в Россию и возведен в сан епископа Никольско-Уссурийского, викария Владивостокской епархии. Но и на родине он не оставил попечения о корейской миссии, продолжая управлять ею из Владивостока и оставаясь фактическим начальником вплоть до самой кончины в 1919 г. Период руководства архимандрита Павла корейской миссией стал самым ярким во всей ее истории до начала Второй мировой войны. Главной сферой деятельности миссии этого времени была неустанная проповедь Православия местному населению, и результаты этой проповеди были плодотворными.

Со времени своего основания Русская духовная миссия в Корею находилась в подчинении митрополита Петербургского, а в 1908 г. перешла в ведение епископа Владивостокского. Это подчинение сохранялось и в период существования Дальневосточной республики (1920-1922 гг.).

Русская миссия в 1912-1930 гг.

Когда в 1912 году архимандрит Павел принял епископский сан, на его место в Корею был назначен архимандрит Иринарх (Шемановский). К этому времени Корея была официально аннексирована Японией (1910 г.) В 1914 году о. Иринарх уступил место игумену Владимиру (Скрижалину). В 1917 г. в течение трех с половиной месяцев миссия была на попечении иеромонаха Палладия (Селецкого), но в том же 1917 году в Сеул прибыл архимандрит Феодосий (Перевалов). Число корейцев, обращенных в Православие, непрерывно увеличивалось и дошло до 500 человек. В 1913 г. Ким Люк, второй кореец, был рукоположен в диаконы. Он был российским подданным из Сибири и был воспитан в православной вере. (Скончался он в 1930 году).

(В «нижнем» храме преп. Максима Грека (Сеул) хранится подлинник грамоты, извещающей о том, что «Павел, архиепископ Владивостокский и Камчатский, рукоположил в сан диакона Луку Кима в 11-й день августа 1913 года»).

Октябрьская революция 1917 года многое изменила в положении русских, живших в Корею. В Сеуле в первые после-революционные годы оказалось немало россиян. Японские колониальные власти в целом относились к их присутствию терпимо. Ведь «белые русские», во-первых, воспринимались как потенциальные союзники в борьбе с «красной Москвой», а, во-вторых, просто вызвали человеческое сочувствие. В течение нескольких недель после занятия Владивостока Красной Армией, в Вонсан, наиболее близкий к Владивостоку корейский порт, прибыло 15 тысяч русских беженцев. При-

мерно половина из них тут же отправилась дальше в Китай, но около семи тысяч остались в Корее на несколько месяцев или даже лет. Японские и корейские благотворительные организации собрали пожертвования, которых хватило на то, чтобы как-то прокормить беженцев и помочь им с билетами на дальнейший путь.

Утрата связей с Россией значительно осложнила деятельность миссии. Так, при иеромонахе Палладии пришлось закрыть все школы из-за отсутствия средств на их содержание, а при иеромонахе Феодосии в связи с революционной обстановкой прекратилась высылка денег из России. Миссия оказалась в бедственном положении. Тогдашний англиканский епископ в Корее Марк Троллоп принял большое участие в судьбе Русской миссии. В 1918 г., в праздник Воздвижения, он написал епископу Монтгомери (члену Общества распространения Евангелия), что ввиду уменьшения числа его собственного духовенства на 7 человек (служивших в то время в Европе), он употребил излишек оставшихся у него сумм Общества на жалованье русскому священнику о. Феодосию, платя ему по 250 иен в месяц (около 30 фунтов), и этим давая возможность продолжать миссионерскую работу.

Письмо это вызвало неоднозначную реакцию у архиепископа Кентерберийского Рандела Дэвисона, заявившего, что «вопрос о Троллопе и о Русской Церкви ставит ряд важных проблем». «Но, – закончил он, – вероятно, мы поступим правильно, если разрешим и впредь давать деньги с условием смотреть на это как на временную помощь в тяжелую минуту для поддержки братьев-христиан». (Видимо он опасался того, что Троллоп будет постоянно субсидировать Русскую православную миссию).

Помощь англикан продолжалась до конца 1919 года. К этому времени Русская миссия снова могла существовать самостоятельно. Для того чтобы выйти из бедственной ситуации, русским миссионерам пришлось сдавать в аренду помещения и земельные участки. С этого времени аренда земли стала для

миссии единственным источником дохода на долгие годы. К счастью для работников миссии, в их собственности имелось небольшое рисовое поле, что позволило им получать пропитание и часто спасало от голода. По этим и другим причинам деятельность миссии, столь активная при архимандрите Павле, пришла в упадок. Из миссионерских станок к 1930 г. уцелело только два – в городах Кехе и Каругай. Их опекал священник Ким.

Аннексировав Корею, японцы по-прежнему проводили там антикорейскую политику. Первый этап японской колонизации был отмечен жестокими репрессиями в отношении сил сопротивления оккупантам. Эти репрессии еще больше обострили чувство национального унижения, так как были запрещены собрания и любые публикации на корейском языке. В Маньчжурии, куда в начале 1920-х гг. эмигрировало более 2-х миллионов корейцев, сформировалось вооруженное сопротивление. В 1919 г. в Шанхае под председательством Ли Сын Мана было сформировано временное правительство. 1 марта 1919 г. в Сеуле была выпущена прокламация с призывом к сопротивлению во имя обретения независимости, подписанная 33 деятелями корейской науки и искусства. Они призывали к началу всенародного сопротивления оккупантам.

Но японцы в ответ на это начали проводить либеральную политику «бунка седжи», желая хотя бы внешне сделать свою колониальную политику либеральной. Право издавать газеты и журналы на корейском языке, было возвращено в 1920 году.

В своей политике декореизации японцы никогда не вмешивались в вопросы языка христианских общин, и само преследование христиан в Корее не было так сильно, как в Японии. Тем не менее, они насаждали в Корее синтоизм, о чем свидетельствовал, например, русский путешественник и ученый П. Ю. Шмидт, побывавший в Сеуле в 1926 году. Он остановился в советском консульстве, размещавшемся в том же здании прежней русской миссии, в которой много лет назад он прожил

несколько недель. Как отмечал Шмидт, японцы построили в Сеуле «новый синтоистский храм в честь богини Аматерасу и в память императора Мейджи... Но население плохо пока это воспринимает. Оно погрязло в суевериях, опутано сотнями буддийских бонз! – объясняли мне мои спутники».

К середине 1920-х гг. русское население Кореи сократилось, но все равно составляло две-три тысячи человек. В большинстве своем корейские русские бедствовали, многим приходилось заниматься контрабандой, мелкой торговлей, работать прислужгой, а в тогдашнем квартале «красных фонарей» Нандаймон появились и российские красотки.

Однако постепенно дела как-то устраивались, и большинство эмигрантов покинуло Корею. Однако уехали не все, и в Сеуле образовалась новая русская община, которая в конце 1920-х гг. насчитывала около 100-200 человек. Наиболее заметную роль в русском Сеуле в те времена играли молодой Сергей Чиркин и его жена Наташа, дочь ташкентского генерал-губернатора. Сам Чиркин, дипломат-арабист, в свое время недолго служил в российском консульстве в Сеуле. После революции молодая пара бежала в Индию. Оттуда они перебрались в Сеул, где Сергей устроился на хорошую должность в банк. Дочь генерал-губернатора оказалась неплохой парикмахершей, и вскоре салон госпожи Чиркиной стал одним из самых модных в Сеуле. Сергей впоследствии стал преподавать иностранные языки в Сеульском императорском университете. Заметную роль играли в русской общине и священники – архимандрит Феодосий (умер в 1932 г.) и отец Сергей, а также последний царский консул Максимилиан Хеффтлер.

Некоторые из русских оказались неплохими коммерсантами. В середине 1920-х гг. появилась в Сеуле и русская кондитерская, открытая семьей Сызранских, и конфетный магазин «Флора», который принадлежал Гончаровым. Немало было в тогдашнем Сеуле и русских портных. Наконец, весь Сеул знал Ивана Тихонова, которому принадлежала небольшая мастерская по производству косметики.

В течение десятилетий православные корейцы отрицали тот факт, что они когда-либо формально подчинялись Японской епархии. Но документы свидетельствуют, что таково было распоряжение Патриарха Тихона в 1923 году. По-видимому, архиепископ Токийский Сергей (Тихомиров) совершал все рукоположения для Кореи с 1911 года; он же был частым гостем в доме англиканского епископа Троллопа.

Отец Феодосий (Перевалов) оставался со своей паствой до начала 1930-х г. Деятельность миссии приостановилась. Это был период, когда рост других общин также задержался. Все увеличивающееся политическое напряжение было благоприятно обращению в христианство в некоторых областях Кореи, но Православная Церковь потеряла все приписанные к миссии храмы, и состав ее духовенства переменялся.

В феврале 1925 г. Япония установила дипломатические отношения с Советским Союзом, и в Сеул прибыл первый «красный консул» Борис Шарманов. Вслед за ним стали появляться и «красные русские» – сотрудники консульских учреждений и внешнеторговых организаций. С этого времени, вплоть до 1945 г., «гражданская война» среди сеульских русских не прекращалась ни на один день. Немногочисленная «белая» и совсем крохотная «красная» общины друг с другом принципиально не общались. Ситуацию усугубило то обстоятельство, что в 1925 г. здание бывшего русского консульства было передано СССР, а соседствующая с ним Православная миссия оставалась главным центром «белых русских». Таким образом, «враждебные штабы» оказались в самом непосредственном соседстве друг с другом.

Русская миссия в 1930 – 1940-х гг.

В 1930 г. управление Корейской Православной миссией взял на себя архиепископ (впоследствии митрополит) Японский Сергей (Тихомиров, скончался в 1945 г.). С 1931 по 1935 гг. по его назначению в Сеуле нес миссионерское послушание

священник Александр Чистяков, прибывший сюда из Японии. За эти годы он окрестил 87 корейцев, что в трудных для миссии условиях было немало. В 1936 г. митрополит Сергей направил в Сеул иеромонаха Поликарпа (Приймака, 1912-1989 гг.). Молодой энергичный пастырь в 1941 г. стал архимандритом и начальником Духовной миссии. Ему было поручено заниматься преимущественно церковно-приходской работой.

Деятельность о. Поликарпа распространялась на весь Корейский полуостров. Его паства проживала во многих городах, таких как Пхеньян, Хопучин, Кайсю, Каругай, К^юхе, Ресин и других – всего в семнадцати. В основном эти общины состояли из русских, корейцев же, по данным архимандрита Поликарпа, насчитывалось около 150 человек. По этой причине богослужения и проповеди совершались на церковно-славянском и русском языках и только ектении – на корейском.

В 1929 году мирянин Павел Афанасьев, окончивший Владивостокский университет, по слухам, обратил в Православие 120 корейцев, живших в Пхеньяне (по-японски – Heijo). В 1932 году он стал иеромонахом; имел домашнюю церковь, но паства его была немногочисленной. Англиканский настоятель пастор Чадвел (впоследствии епископ) знал русского миссионера, и тот не раз пользовался его материальной поддержкой. (После 1939 года никаких сведений об о. Афанасьеве не было. Вероятно он и его дело не пережили коммунистического режима и корейской войны 1950-1953 гг.)

В 1930-е гг. в Корею существовал небольшой русский курорт Новина. Располагался он на северо-восточном побережье страны, у порта Чхонджин, что ныне находится в Северной Корею. Санаторий принадлежал семье Янковских, основатель которой – Михаил – поселился на Дальнем Востоке еще в 1870-х гг. Польский шляхтич Михаил Янковский был сослан в Сибирь, остался там на всю жизнь и со временем стал знаменитым охотником и биологом. В октябре 1922 г. его сын Георгий вывез в Корею все свое имущество, свою боль-

шую семью и многих своих работников. Семейство Янковских обосновалось на северо-восточном побережье полуострова вблизи порта Чхонджин. В 1926 г. Янковские основали под Чхонджином курорт, который они назвали Новина. На протяжении почти двух десятилетий Новина и открывшийся по соседству второй курорт Янковских – Лукоморье – были главным местом отдыха для состоятельных «белых русских» из Кореи, Харбина, Пекина и Шанхая. В те годы в Корею жила Виктория Юрьевна Янковская (1909-1996); ее перу принадлежит книга, озаглавленная «Это было в Корее...». Повесть и рассказ. Корея. Новина. Изд. авт., 1935.

С 1936 года новый губернатор Кореи Минами Хиро начал проводить жесткую политику с целью полной японизации корейцев и их полной ассимиляции с подданными японской империи. Корейцы должны были носить японские имена, не говорить на родном языке в общественных местах, газеты и журналы на корейском языке были снова вне закона.

Война на Тихом океане 1937-1945 гг. не очень повлияла на жизнь не только «белой» но и «красной» русской колонии. Даже после того, как 8 августа 1945 г. Советский Союз официально объявил войну Японии, сотрудники консульства не были арестованы. Японские власти лишь запретили им покидать территорию консульства. Эти ограничения действовали лишь неделю, так как 15 августа война в Корею завершилась и страна освободилась от 35-летней оккупации. Вот тогда и начались настоящие перемены.

После 1945 г. русские семьи одна за другой стали покидать беспокойный, бурлящий Сеул. В Корею постепенно разгоралась гражданская война. Да и с обывательской точки зрения жить в городе становилось все сложнее: цены росли, привычные связи разрушались, новые власти относились к русским с подозрением. В 1946 г. американцы закрыли советское консульство и выдворили его персонал, обвинив его в поддержке нелегальной левой оппозиции. Но, несмотря на то, что общины перенесли много лишений, они смогли сохра-

нить свою корейскую паству. По окончании Второй мировой войны Корея была разделена по 38-й параллели.

Советы оккупировали северные провинции и быстро превратили их в коммунистическое государство. Американцам достался юг, но они сделали там очень мало. В 1947 г. в Сеуле, во дворце «Добродетельного многолетия» собралась конференция для обсуждения вопроса об объединении Кореи. Советская делегация остановилась в здании старого русского консульства и превратила весь этот угол Чонг-Донга в центр коммунистической пропаганды в Сеуле. Дом о. Поликарпа находился по соседству. Советские делегаты посетили его; произошел публичный скандал в церкви.

После окончания Второй мировой войны южнокорейские власти и американская оккупационная администрация в течение нескольких лет вели борьбу за овладение Русской Православной миссией в Сеуле, пытаясь вывести ее из-под юрисдикции Московской Патриархии. Не имея возможности сделать это каким-либо законным путем, власти Южной Кореи незаконно выслали из страны архимандрита Поликарпа, отказавшегося передать миссию в юрисдикцию митрополита Феофила (Пашковского, 1874-1950 гг.) – главы так называемого «американского раскола».

В середине декабря 1948 г. архимандрит Поликарп был арестован и находился в тюрьме Кемукван до конца года. Выйдя из тюрьмы, он жил подаянием, но, несмотря на это, принял все меры, чтобы вернуть миссию через суд, так как имел для этого все законные основания. Однако 18 июня 1948 г. он был снова задержан. В отделении полиции архимандрита Поликарпа допросили и заявили, что поскольку стало известно о принятии его в советское гражданство, то он подлежит высылке по распоряжению южнокорейских властей. 29 июня в сопровождении полицейских архимандрита Поликарпа и его мать доставили к 38-й параллели и предложили идти. Через несколько часов они достигли северокорейского пограничного пункта, где их доставили к офицеру. Здесь архимандриту

Поликарпу была оказана необходимая материальная и медицинская помощь.

Так власти Южной Кореи незаконно изгнали главу Русской Православной миссии архимандрита Поликарпа, отказавшегося передать ее в юрисдикцию раскольничьего митрополита Феофила (Пашковского). (После возвращения в Советский Союз архимандрит Поликарп был назначен начальником Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1951-1955), с 1957 г. – епископ Кировский и Слободской, с 1962 г. – епископ Архангельский и Холмогорский).

По своему юрисдикционному положению о. Поликарп был «*persona non grata*» в глазах нового епископа Вениамина (Басальги), подчиненного Американской митрополии. Последний вызвал корейского диакона Алексея (Ким Ли Хан) в Токио, рукоположил его во иерея и утвердил его в должности начальника Корейской миссии. Вернувшись в Сеул в декабре 1948 г., о. Алексей появился в церкви, но, часть прихожан не приняла его, и произошли беспорядки. Новый начальник миссии смог занять храм лишь с помощью полиции. Он сохранял власть на приходе до 1950 года.

Корейская война 1950-1953 гг. и послевоенные годы

В июне 1950 года, когда коммунисты вторглись в Южную Корею, они депортировали о. Алексея Кима на север, где он, вероятнее всего, и погиб. Во время битвы за Сеул здание русского консульства было разрушено. Здания миссии, давно не отремонтированные, сильно пострадали, а церковь была взорвана. Православные верующие вынуждены были распустить общину. Православие в Корею оказалось под угрозой исчезновения.

Почти все «белые русские» покинули Сеул к 1950 г., а немногие оставшиеся выехали уже во время Корейской войны 1950-53 гг. или сразу после нее. «Красные» уехали еще раньше и не по своей воле, – в 1946 году. На сеульском кладби-

ще «для иностранцев» нашли свое упокоение миссионеры, дипломаты, предприниматели из разных стран Европы и Северной Америки. Здесь сохранилось и до 20 надгробных плит с русскими именами. На многих плитах – выбоины от осколков снарядов, это недобрая память о Корейской войне 1950-53 гг. Некоторые надписи еще можно прочитать. Вот некоторые из них.

Команды мореходной лодки «Бобр» матрос Иван Наумов Корнеев (1869-1894);

Штабс-капитан Неклюков Николай Петрович (ск. 1912 г.);

Троицкий Виталий (ск. 1924 г.);

Сухотин Аркадий Павлович;

Васильев Константин Александрович;

Сухотина Мария Иоакимовна (ск. 1945 г.);

Конон и Наталья Фундер (ск. 1950 г.).

Остальные надгробные плиты – 1930-1940- гг. – с трудно читаемыми надписями; у 2-3-х могил – свежие букетики цветов. (Май 2003 г.).

После смерти Сталина, по приказу которого была развязана война в Корее, между Севером и Югом было заключено перемирие. Беженцы начали возвращаться в города и восстанавливать храмы. Велико было изумление тех американских солдат, которые принадлежали к Православию, когда они обнаружили приход собственной Церкви в Корее.

В составе войск ООН, противостоявших северокорейским агрессорам-коммунистам, были военнослужащие из ряда стран мира, в том числе и православных. Греческая бригада особенно щедро жертвовала доллары на ремонт храма и на устройство школы в старом миссионерском доме. Эфиопские войска отнеслись к корейским православным по-братски. И их полковой священник авва Арайя Селассиэ держал себя с о. Борисом как с равным.

На приходе появилось даже несколько белых эмигрантов, вроде пожилого, обросшего седой бородой господина Ширина, старожила Сеула, не знавшего ни одного языка, кро-

ме русского. «Трогательно было присутствовать на литургии весной 1954 года, которая служилась и пелась на корейском языке, но по русским напевам, с несколькими ектениями по-славянски и по-гречески, причем солдаты отвечали хором на свой распев, – вспоминал Ричард Ратт. – Было еще любопытнее принимать участие в приходском пикнике с корейцами, греками и эфиопами. Каждая группа со своей национальной пищей, и я – один неправославный среди всех. Я долго буду хранить теплую память об «агапе», последовавшей за освящением новой школы при церкви».

Стараниями архимандрита Андреоса (Халкипоулоса), прибывшего в Корею вместе с греческими вооруженными силами, и при участии православных верующих был воссоздан церковный приход в Сеуле. Здание церкви было восстановлено. Обездоленные войной обрели защиту, сотни новых прихожан приняли святое крещение и были обучены основам христианской веры. Прежде чем покинуть Сеул и вернуться домой отец Андреос приложил все усилия для того, чтобы его преемник, благочестивый мирянин Борис, избранный членами православной общины в Сеуле, смог принять духовный сан в Токио. Он был сначала рукоположен в диакона, а на следующий день в иерея (9 февраля 1954 г.) С этого времени богослужения в сеульском храме стали совершаться регулярно.

Переход в юрисдикцию Константинопольского Патриархата

Американская митрополия недолго простирала свою власть над корейской миссией. Ее подчинение Японской епархии создало непреодолимые трудности. После Второй мировой войны борьба за политическое влияние в Корее завершилась окончательным уходом японцев. Освободившись от многолетнего гнета, корейцы считали совершенно неприемлемой любую зависимость от Японии. Поэтому подчинение Японской епархии, даже формальное, стало для корейской миссии

невозможным. Но, в соответствии с церковными законами, Корейская Православная Церковь не могла существовать автономно.

Это и было причиной того, что съезд корейских православных христиан, состоявшийся 25 декабря 1955 г., после долгих обсуждений и молитв, принял решение присоединиться к Константинопольскому Патриархату в лице Греческой архиепископии в Америке. Юрисдикционно вопрос был урегулирован признанием власти архиепископа Михаила, греческого экзарха Патриарха Константинопольского в Северной Америке. Таким образом, Церковь получила новое название: «Корейская Православная Церковь (диоцез) Греческой Северо-Американской Православной Церкви». (Сегодня Корейская Православная Церковь является экзархатом Константинопольского Патриархата во главе с Его Преосвященством Митрополитом Дионисием Новозеландским).

После окончания войны (1953 г.) греки покинули Корею, взяв с собой двух корейских студентов – Кима Костаса и Чанга Александра, которые были зачислены в семинарию в Коринфе. На память о себе греки оставили в Сеуле прекрасный храм и целый ряд греческих имен, заменивших собою русские имена, бывшие раньше в большом употреблении.

После Корейской войны русская община в Сеуле практически прекратила свое существование, из «довоенных русских» остались в городе считанные единицы. Православная Церковь и корейская православная община перешли под покровительство единоверцев-греков, что ее, по сути, и спасло от полной гибели. Советских дипломатических представительств в Корее не было, так что в Сеуле осталось только несколько русских семей. Обладателей советского паспорта в Южную Корею пускали только в исключительных случаях и ненадолго.

С середины 1950-х годов основную тяжесть приходской деятельности в Сеуле нес священник-кореец Борис Мун, отдавший миссионерскому делу 21 год своей жизни. К концу

1950-х гг. в стране насчитывалось около 400 православных корейцев. Спустя два десятилетия православная миссия в Южной Корее активизировала свою деятельность благодаря трудам новых пастырей, прибывших сюда из Греции.

Долог и труден был путь восстановления и укрепления Православия в Корее. Прилагая огромные усилия, отец Борис и его верные соратники старались сделать все возможное, чтобы поддержать это «маленькое стадо» верующих, чтобы сохранить церковные ценности, конфискованные корейским правительством, и чтобы вновь в 1978 году воздвигнуть церковь Святого Николая Мирликийского (здание этой церкви, выстроенное в византийском стиле по сей день стоит на том же самом месте).

Православная миссия в 1970-х гг.

1970 г. стал важной вехой в жизни православных корейцев: решением патриарха Константинопольского Афинагора и Синода Константинопольской Церкви была учреждена специальная митрополичья кафедра. Она объединила под своим управлением православные приходы в Новой Зеландии, Индии, Корее, Японии, на Филиппинах, Сингапуре, Индонезии, Гонконге. В 1990-х гг. Корейская православная миссия находилась под омофором митрополита Новозеландского Дионисия (Псиахас, р. 1916 г.). Помощь ему, начиная с 1975 года, оказывал архимандрит Сотириос (Трампас).

В конце 1970-х – начале 1980-х годов работниками православной миссии в Южной Корее являлись два священника: настоятель-грек архимандрит Сотириос (Трампас) и молодой клирик-кореец о. Даниил На. В их ведении находились три православных общины, расположенные в самых густонаселенных центрах страны: в Сеуле (8 млн. жителей), Пусане (3 млн.) и Инчхоне (1 млн.). В миссионерском центре Сеула имеется храм в честь Успения Богоматери.

Главное направление работы православной миссии в Корее – евангельская проповедь среди корейцев-нехристиан. Эта

задача осуществляется двумя путями – укреплением и подготовкой кадров, способных вести такую проповедь, и ее непосредственным проведением во всех тех местах, где она может быть услышана. Одним из основных препятствий для работы иностранных миссионеров в Корею по-прежнему является языковой барьер. За последнее время эта проблема успешно решается – кадры проповедников готовятся непосредственно из числа самих корейцев. В 1980-х гг. эту задачу решали о. Даниил На и секретарь миссии Савва Ли.

Решен вопрос об издании религиозной литературы на корейском языке. Уже в течение ряда лет в Сеуле выходит еженедельник «Ио Бо». В Греции в синодальном издательстве при «Апостолики Диакония» христианин-кореец Николай Пак с конца 1970-х годов занимался переводом богословских книг на родной язык. В 1968 г. для маленьких православных корейцев было построено здание воскресной школы, которую посещает около 500 детей. В распоряжении молодежи имеется летний лагерь «Фавор», где юноши и девушки, а также дети проводят каникулы. Для взрослых прихожан были разработаны катехизические программы; церковные приходы разработали программы для поддержки бездомных, пожилых, осиротевших и немощных.

В конце 1970-х годов глава Православной миссии в Сеуле архимандрит Сотириос (Трампас) представил своему правящему архиерею – митрополиту Новозеландскому, экзарху Индии, Кореи и Японии Дионисию доклад о проделанной им двухлетней работе в период с 1977 по 1978 гг. Из представленного доклада видно, что Православная миссия обращала большое внимание на издательское дело. На корейском языке были изданы: Литургия св. Иоанна Златоуста, молитвенник, календарь праздников, толкование «Символа веры» и содержания молитв, краткие поучения о таинствах, а также катехизические издания для детей и молодежи. Особая забота была уделена проповеди и духовному окормлению прихожан. Наконец следует отметить и открытие в Сеуле храма

Святителя Николая, освящение которого 24 сентября 1978 г. совершил митрополит Новозеландский Дионисий.

Корейская Православная Церковь в новейшее время

1982 г. был отмечен двумя новыми событиями в жизни корейских христиан. Был освящен новый храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы во втором по величине городе страны – Пусане. Настоятель храма – о. Александр Хан (уроженец Сеула) – 10 лет учился на богословском факультете Афинского университета. По возвращении в Корею он был назначен настоятелем храма в Пусане. В 2000 г. храм был существенно перестроен. Из-за нехватки земли он был возведен в нетрадиционном для Православия стиле. В большом 4-этажном здании Благовещенский храм располагается на последнем этаже. На третьем этаже – храм меньших размеров, – для будущей русскоязычной общины, – построен «на перспективу». Первые два этажа отданы под православную школу для детей и для других социальных служб. Приход объединяет примерно 200 православных корейцев, и на их скромные пожертвования вести пастырскую деятельность затруднительно. И поэтому Элладская Православная Церковь выплачивает жалованье о. Александру, а также покрывает часть расходов на содержание общины.

В портовых городах Пусане и Инчоне существует пасторская служба для греческих моряков, которые останавливаются в этих гаванях. Со временем православные храмы для церковных приходов были построены в Инчоне, Чонджу и Палангли, а в конце 1990-х гг. в городе Ислан была возведена часовня. В Капъенге был построен монастырь «Metamorphoseos tou Sotiros» (Преображения Господня), на послушании в котором находятся две монахини.

В 1982 году начала работу духовная семинария в Сеуле; ее первыми воспитанниками стали 12 человек. Лучшие из них могут продолжать образование на богословском факультете Афинского университета.

Работа духовной семинарии в Сеуле проходит в тесном контакте с Ассоциацией православной молодежи Кореи. Активисты этой организации проводят тематические встречи, лекции, ведут работу с детьми. Одна из главных задач Ассоциации – проведение миссионерских рейдов в школах, институтах, домах престарелых, приютах и на предприятиях. Ассоциация православной молодежи Кореи является членом Международной молодежной православной организации Синдесмос. На проходящих каждые три года ассамблеях Синдесмоса молодые христиане из Южной Кореи имеют возможность встречаться не только с православной молодежью Запада, но и с представителями православных духовных школ из стран Восточной Европы и нашей страны.

Наряду с положительными моментами в жизни миссии, остается еще целый ряд нерешенных проблем. К ним можно отнести трудное финансовое положение, нехватку духовенства, из-за чего литургия регулярно совершается только в Сеуле, а в других приходах не чаще, чем раз в месяц, и многое другое. Миссия также занимается и социальной работой. Жизненный уровень многих православных христиан Южной Кореи относительно невысок. Поэтому при миссионерском центре функционируют «Общество любви к бедным» и «Касса стипендий для нуждающихся студентов». Основной бюджет миссии складывается из добровольных взносов верующих, перечислений из фондов «Апостолики Диакония» и частных пожертвований через общество корейско-греческой дружбы.

Для поддержки Православной миссии в Австралии, Новой Зеландии и других странах этого региона в 1986 году Константинопольский Патриархат основал, с одобрения корейского правительства, «Православную Восточную миссию», которая находится под покровительством Экзархата Новой Зеландии.

В 1990-х г. пастырские труды епископа Сеульского Сотирiosa, викария митрополита Новозеландского Дионисия, разделяли священники из Греции и Америки. В разных местах

страны служат православные корейцы: пять священников и один диакон.

Православная миссия регулярно организует богословские семинары. Один из таких семинаров проводился с января по апрель 1990 г. Был прочитан курс лекций по проблемам христианской жизни, ежедневно проводились теоретические и практические занятия. В семинаре участвовало много молодежи. По окончании его приняли крещение еще 16 корейцев. Миссионеры часто проповедают в учебных заведениях, среди работающей молодежи. О популярности Православия в Корее говорит уже тот факт, что во время Олимпийских игр в Сеуле (1988 г.) на центральном стадионе была сооружена православная часовня.

Корейская Православная миссия поддерживает братские контакты с поместными Православными и другими христианскими Церквями. Так, из восьми англиканских миссионеров, работавших в 1950-х гг. в Корейской англиканской миссии, четверо состояли членами Англо-русского православного Содружества (Fellowship). Весьма символично, что в 1990 г. верующие Кореи собрали 1,5 млн. долларов для выпуска значительного тиража Библии на русском языке в рамках проекта гуманитарной помощи нашей стране. Можно предполагать, что определенная лепта в этой сумме принадлежит и православной общине.

В марте того же 1990 г., во время Всемирной конференции Всемирного совета церквей «Справедливость, мир и целостность творения», проходившей в Сеуле, Корейская Православная миссия гостеприимно встречала у себя представителей матери – Русской Православной Церкви, участников этой конференции; а в 1992-1993 учебном году в стенах Санкт-Петербургской Духовной академии начали стажировку два православных студента из Южной Кореи – священник Иустин (Канг Те Янг) и чтец Владимир (Юнг Кил Ли).

В 1993 году Константинопольский Патриарх возвел архимандрита Сотирiosa (Трамаса /Трамбоса/), который живет

и служит в Корее с 1975 года, в сан епископа Новозеландской епархии. А в апреле 1995 года Константинопольский Патриарх Варфоломей впервые посетил Православную Церковь в Корее. Во время этого визита православные корейцы получили особое благословение Патриарха, после чего Православная Церковь в Корее была официально признана корейским правительством.

В 1995 году Миссионерский центр в Сеуле выстроил и освятил новое здание богословской семинарии. Она была освящена во имя Святителя Николая, архиепископа Мирликийского. В 1996 году православные христиане из Индии, Индонезии и Филиппин прослушали в этой семинарии интенсивные курсы и по их окончании четыре выпускника были посвящены в сан священнослужителей и один в дьяконство. Впоследствии сан священника получили еще три выпускника семинарии.

Истекшие десятилетия существования Православной Церкви в Корее являются временем ее непрерывного развития. Все основные литургические тексты, богословские и духовные книги, а также 70 катехизических книг были переведены на корейский язык. Греческие иконописцы-волонтеры полностью расписали собор Свт. Николая в Сеуле, а также сеульские часовни, монастырь в Капъенге и часовню Воскресения Христова на православном кладбище.

В 1998 году в Сеул для пастырского служения прибыл греческий архимандрит Амвросий (Зографос); ныне он является настоятелем храма Свт. Николая. Помимо православных корейцев прихожанами храма являются православные американцы, а также индийцы, принадлежащие к Малабарской Ортодоксальной Церкви Индии. Один раз в месяц для них совершается литургия на английском языке.

В конце 1980-х гг. в Сеуле опять появилась небольшая русская община; между двумя странами были установлены дипломатические отношения. В 1992 году российское посольство в Сеуле выступило с настоятельным призывом к южнокорейским властям вернуть России два гектара законно при-

надлежащей ей земли, где с 1896 года располагалась царская дипломатическая миссия.

Участок земли в Сеуле под российскую миссию был приобретен в конце XIX-го века русским посланником К. Вебером. На его территории по проекту инженера А. Сабатина было возведено здание посольства. Впоследствии купили и прилегающие к участку территории под строительство небольшого православного храма. В 1925 году там было открыто генеральное консульство СССР в Сеуле, которое функционировало до 1949 года. Москва не признала тогда образование Республики Корея. И наши дипломаты вскоре покинули посольство.

В начале 1950-х гг., во время корейской войны, посольское здание в результате массированных бомбардировок было разрушено, постройки сгорели, и от былого великолепия осталась трехэтажная башня. Участок российской земли долгие годы оставался без хозяина, но Москва от него не отказывалась, хотя официальных заявлений МИД СССР по этому поводу не делал. (Как считали юристы-дипломаты, согласно нормам международного права, таких заявлений делать не требуется).

В начале 1970-х годов корейцы национализировали участок советской земли. Часть ее распродали различным компаниям, которые развернули там строительство. Другая часть перешла в муниципальную собственность Сеула. Надо отдать должное корейцам, – в 1973 году остатки православной церкви они восстановили и организовали там небольшой музей с экспозицией, рассказывающей о бывшем здании Русской миссии.

В начале сентября 1992 г. МИД России официально обратился к южнокорейской стороне о восстановлении права собственности на этот участок. Корейцы же выразили свое нежелание вернуть участок земли россиянам. Они обосновали это тем, что земля национализирована, претензии Москвы не имеют юридической силы. Корейцы аргументировали свой отказ тем, что им не были предоставлены документы, под-

тверждающие право собственности России на земельный участок. Однако в те же дни представители МИД заявили, что такие документы на Смоленской площади имеются.

Выяснилось также, что корейцы предпочитают решить спорный вопрос на основе обмена земельными участками: Россия выделяет участок под корейское посольство в Москве, Республика Корея дает участок под российское посольство в Сеуле. Однако российские дипломаты напомнили, что у корейцев в Москве никогда не было права собственности. А стоимость российского земельного участка в Сеуле на 1992 год оценивалась в 375 миллионов долларов США.

В Москве также считали, что реально получить участок земли в Сеуле в связи с тем, что он частично продан частным фирмам, нереально. Однако возможен компромисс: например, денежная компенсация за строительные работы и выделение участка под российское посольство в другой части южнокорейской столицы. Российские дипломаты выразили уверенность, что вопрос этот будет решен сторонами в ближайшее время в рабочем порядке на уровне экспертов.

(К 2000 году в Сеуле было выстроено новое здание российского посольства; оно расположено в центре столицы, сравнительно недалеко от территории бывшей Русской миссии. Участок земли под застройку был выделен бесплатно и, по словам дипломатов, необходимо лишь вносить за аренду чисто символическую плату – 1 доллар в год).

В конце 1990-х г. в корейской столице стала выходить на русском языке газета «Сеульский вестник». В мае 1999 г. президент Республики Корея Ким Де Чжун во время своего официального визита в Россию посетил Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В ходе их встречи обсуждался вопрос об открытии храма Русской Православной Церкви в Южной Корее. Вскоре такой храм был открыт близ собора Свт. Николая, в одном из помещений приходского дома. (В 1995 году вокруг сеульского храма были возведены здания, в которых расположился Миссионерский центр, а

также две небольшие церкви – Успения Пресвятой Богородицы и Преп. Максима Грека). Церковь освятили в честь Преп. Максима Грека, чья судьба была связана с Россией. Русскую общину в Сеуле духовно окормляет иеромонах Феофан (Жим), гражданин России, родившийся в корейской семье из потока «спецпереселенцев», высланных в конце 1930-х гг., по приказу Сталина, с Дальнего Востока в Среднюю Азию. О. Феофан окончил Смоленскую семинарию и в 2000 году был направлен в Сеул для пастырского служения.

Для русскоязычных православных верующих, которые живут и работают в Корее, богослужения совершаются на церковнославянском языке. Прихожане периодически приезжают в монастырь Преображения Господня (Капынг, близ Сеула), присутствуют там за богослужениями, а в свободное время безвозмездно трудятся на хозяйственных работах по благоустройству обители. Так была открыта новая страница в истории русского Православия в «Стране утренней свежести».

Таков далеко не полный обзор современного положения Православной Церкви в Корее, находящейся ныне в юрисдикции Константинопольского Патриархата, но своим возникновением обязанной самоотверженной и бескорыстной деятельности миссионеров Русской Православной Церкви.